

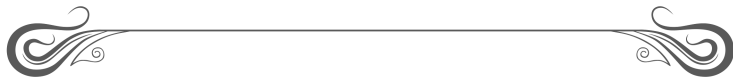
ДЕТЕКТИВЫ НИКОЛАЯ СВЕЧИНА

**Читайте все книги
НИКОЛАЯ СВЕЧИНА:**

1. Завещание Аввакума
2. Охота на царя
3. Роковые числа
4. Хроники сыска
5. Выстрел на Большой Морской
6. Пуля с Кавказа
7. Дело Варнавинского маньяка
8. Варшавские тайны
9. Мёртвый остров
10. Убийство церемониймейстера
11. Московский апокалипсис
12. Туркестан
13. Удар в сердце
14. Тёмные всадники
15. Дознание в Риге
16. Касьянов год
17. Лучи смерти
18. Тифлис 1904
19. Банда Кольки-куна
20. По остывшим следам
21. Фартовый город
22. Узел
23. Случай в Семипалатинске
24. Одесский листок сообщает
25. Столица беглых
26. Восьмое делопроизводство
27. Кубанский огонь
28. Взаперти
29. Паутина
30. На краю
31. В отсутствие начальства
32. Как Лыков не стал генералом
33. Уральское эхо
34. Дела минувшие
35. Ледяной ветер Суоми
36. Мечь - блюдо горячее
37. Адский прииск

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

**ЗАВЕЩАНИЕ
АВВАКУМА**

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С24

Дизайн серии А. Саукова

Свечин, Николай.
С 24 Завещание Аввакума / Николай Свечин. — Москва :
Эксмо, 2025. — 224 с.
ISBN 978-5-04-103641-6

Лето 1879 года. На знаменитую Нижегородскую ярмарку со всех концов Российской империи съезжаются не только купцы и промышленники, но и преступники всех мастей – богатейшая ярмарка как магнит притягивает аферистов, воров, убийц... Уже за день до ее открытия обнаружен первый труп. В каблуке неизвестного найдена страница из драгоценной рукописи протопопа Аввакума, за которой охотятся и раскольники, и грабители из шайки Оси Душегуба. На розыск преступников брошены лучшие силы полиции, но дело оказывается невероятно сложным, раскрыть его не удается, а жестокие убийства продолжаются...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-103641-6

© Свечин Н., 2023
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Я знал Санкт-Петербург, Москву,
но мне еще не ведом был Нижний
Новгород. А можно ли жить, не по-
видав Нижнего Новгорода!

Теофиль Готье

Глава 1

«Мертвая тело»

Как известно, в Российской империи три столицы: сановный Петербург, Первопрестольная старушка Москва и – нерусская, почти европейская Варшава. Но есть и еще одна столица, четвертая, которая становится таковой лишь на полтора месяца в году, с 15 июля по 25 августа. Это – Нижний Новгород, красавец град у слияния Оки и Волги. Город делает ярмарка, знаменитая, самая большая в мире по оборотам, самая населенная, самая шумная. Нигде такой больше нет. На эти полтора месяца население Нижнего Новгорода увеличивается в десять раз! За сезон по торговым рядам проходит более пяти миллионов человек при коренном населении города в сорок пять тысяч! То-то раздолье...

Алексей Лыков встал, как обычно, в семь, наскоро попил чаю, сделал силовую гимнастику, надел статское (почти уже привык) и побежал на службу. Жил он на Благовещенской улице, под монастырем, аккуратно напротив ярмарки, на правом берегу Оки. Втроем с матушкой и сестрой они снимали скромную четырехкомнатную квартиру в доходном доме купца Медведева. Алексей служил вот уже четвертый месяц помощником квартального надзирателя в Макарьевской части, в той самой, куда входят ярмарка вместе с Кунавином. Путь Лыкову на ярмарку лежал через плашкоутный мост, на другой берег Оки, где уже приготовили для торжественного открытия торгов арку и флачные башни. Завтра же, 15 июля 1879 года. Ярмарка откроется в шестьдесят второй раз.

Алексей манежным галопом, как выражался покойный батюшка, пересек наплавной мост, свернул налево, по длинной Александро-Невской улице добрался до Главного дома и не мешкая прошел в правый флигель, где помещалась полицейская часть. Успел за десять минут до развода, поздоровался с непосредственным начальником — квартальным надзирателем «чистого» 8-го квартала Ничепоруковым, с остальными девятью

квартирными, их помощниками, сыскным надзирателем Макарьевской части Иваном Ивановичем Здобновым (покровителем и наставником) и стал во фронт перед клеенчатой дверью кабинета пристава.

«Сам» — пристав Львов — задерживался с выходом, о чем-то секретничал с прибывшим начальством. Скоро туда вызвали и Ивана Ивановича. Остальные полицейские, числом более пятидесяти, толпились в просторном приемном зале Макарьевской части, лениво переругиваясь и пересмеиваясь друг с другом. Лыков заметил, что все три помощника пристава (два из них, конечно, временные, на период ярмарки) мнутя у дверей начальства, и вид у них сконфуженный — не позвали! Что ж там за тайны такие?

Но вот дверь открылась, кто-то изнутри помянул пальцем постоянного помощника пристава, тот зашел и тотчас вышел, скомандовав:

— К разводу становись! Равняйся! Смир-р-р-но!

Сразу же появился частный пристав, натягивая перчатки, козырнул по-военному небрежно:

— Вольно! Слушай инструкцию.

Завтра ярмарка. Купцы и негоцианты съезжаются, товары все уже свезены; власти, таможня, банк, больница, полиция — все подготовлено. На-

чинается наша полуторамесячная баталия, спать будет некогда. Его превосходительство господин губернатор изволил вчера собрать совещание по вопросу охранения порядка на ярмарке. Нам с господином полицмейстером поставлено на вид, что в прошлом годе действиями полиции, и особенно нашей Макарьевской части, были серьезно недовольны. Пять нераскрытых убийств! (пристав поднял вверх указательный палец, обтянутый белой лайкой) более сорока грабежей! тридцать две кражи со взломом! и (он сверился по бумажке) более ста покушений на личность!

Сделав значительную паузу и пообеда всех строгим взглядом, пристав продолжил:

— Нижегородская ярмарка, как магнит, притягивает сброд со всех концов империи и даже из-за ее пределов. Мильен посетителей, и все богатые зеваки; понятно, что полиции трудно. Я пояснил это его сиятельству. Он понимает наши обстоятельства, но просит — слышите? просит! — постараться. Генерал-лейтенант, граф и многих орденов кавалер Павел Ипполитович Кутайсов просит нас постараться. Он сам сегодня переезжает в казенную ярмарочную квартиру, в нашем же здании находящуюся, будет здесь вместе с нами дневать и ночевать, обещает всяческую под-

держку. Кроме того, как вы знаете, к нам назначен временным генерал-губернатором граф Игнатьев, тот самый, знаменитый, и он уже выехал. С ним шутки плохи! Стыдно нам будет всем, если ударим мы в грязь лицом перед таким человеком. Стыдно. Тем более, мы вдвое в нынешнем годе увеличили штат помощников квартальных надзирателей, взяли толковую молодежь, некоторые даже с полным средним образованием, языками владеют и повоювать успели.

«Это ведь обо мне!» — понял Лыков и, точно, поймал на себе одобрительно-требовательный взгляд начальника.

— Всякое ворье беспременно наметилось к нам на ярмарку. Со всех концов собираются, некоторые уже, наверное, здесь и сегодня вам на улицах попадутся под видом честных обывателей. Надо их уметь отличить! Посему заслушайте внимательно сообщение надворного советника Благово, всем вам хорошо известного помощника начальника сыскальной полиции.

Пристав Львов отошел в сторону, на его место встал седовласый, в возрасте уже мужчина в модном зауженном сюртуке, с седыми же усами и цепким, каким-то особенным взглядом — провел по рядам и всех тот час увидел.

— Прошу внимания! — негромко, как бы по-дружески сказал он. — Господин пристав важность задачи уже объяснил. Да вы и сами понимаете — новый генерал-губернатор скоро прибудет, особа знаменитая, турками даже весьма уважаемая, хочет, чтобы первая его, в роли губернатора, ярмарка прошла хорошо. Человек он серьезный, кричать не любит, но дело знает и видит всех насквозь. Такого начальника у нас никогда еще прежде не было, и то сказать — недолго в Нижнем и продержат, надо успеть постараться, пока в столицу не забрали эдакого орла. Опять же и перед обществом мы обязаны порядок соблюсти, нам за это государь жалованье платит. Так что приказ нам всем и просьба — постараться.

Теперь об жуликах.

Благово кашлянул в кулак и раскрыл папку, почтительно поданную ему Здобновым.

— Петербургское сыскное сообщает: выехал к нам в Нижний двенадцатого июля безуспешно разыскиваемый ими убийца и грабитель Осип Лякин по кличке Ося Душегуб, русский, тридцати пяти лет от роду, ростом два аршина 10 вершков¹, цвет волос черный с проседью, глаза

¹ 186,5 сантиметра.

карие, взгляд тяжелый, властный, неприятный, усы черные завитые книзу, на левой скуле шрам от чирья. Одевается купцом. Доказанно убил в Питере за 78–79-й годы четырнадцать человек. По сведениям агентуры, был здесь на ярмарке о прошлом годе, уехал с добычей, наверняка и у нас кого-то порешил. Душегуб не только по кличке, но и по призванию, если позволительно так сказать. Страшный человек. По уголовной табели о рангах — «иван», то есть крупный преступный авторитет. Если кто его опознает — в одиночку и не думайте, зовите подмогу. Всегда носит с собою нож и кистень. Год назад зарезал участкового пристава Литейной части Трегубова, пытавшегося его арестовать всего с одним городовым; городской тоже убит.

С ним, по-видимому, выехал его ближайший помощник Сашка Регент, русский, рост два аршина, семь с половиной вершков¹, усы и бороду бреет, волосы русые, глаза голубые, лицо правильное, уши прижатые, особая примета — нет мизинца на левой руке. Тоже весьма опасен: хорошо владеет ножом, душит ремнем, очень ловок — был прежде цирковым акробатом.

¹ 175 сантиметров.

Далее. Варшавское сыскное сообщает: к нам выехала шайка взломщиков сейфов, где верховодит Владек Плотковский по кличке Блысковица, что сиречь Молния. Приметы: рост два аршина восемь вершков...¹

...Алексей Лыков застыл в строю, на левом фланге, около своего квартального Ничепорукова, слушая вполуха и легко запоминая все сказанное городским сыщиком. Память у него была отменная — спасибо покойному батюшке, заставил ее развивать.

Батюшка вообще много чего успел сделать для единственного сына, прежде чем умер: и мораль христианскую привил, и память поставил, и силу значительную гимнастикой (первое время, признаться, из-под палки), и языки заставил учить серьезнее, чем в гимназии требовалось; также книжки читать поощрял, не как некоторые родители. Кроме того, сам по происхождению из мещан, выслужил он сыну и всем последующим потомкам рода Лыковых дворянство. Казалось бы, не велика птица — отставной подпоручик, но славный орден Святого равноапостольного князя Владимира с мечами и бантом получил. За

¹ 178 сантиметров.

шестьдесят третий год, за Польшу, где он остался единственным живым офицером в роте, с двумя пулевыми и штыковым ранениями. Алексей с тех пор не любил поляков, всегда помня, как они батышский век укоротили... Умер отставной подпоручик всего год назад, сорока шести лет от роду, из-за простреленного панамы легкого. Алексей на похороны не попал — сам в это время валялся в госпитале в Тифлисе, тоже с пробитым легким. Здоровый турок попался, арабистанец (лучшее у османов войско), борода до пояса, глаза безумные, чисто его кинжалом под сердце ткнул, когда они Столовую гору штурмовали. Спасибо другу, такому же пластунику Гиляровскому, необыкновенно сильному и ловкому человеку — из-за спины Алексея выпрыгнул, поднял арабистанца на штык и нес несколько аршин перед собой, как жука на булавке, а тот все пытался его кинжалом достать, пока не помер.

Алексей на секунду вернулся сознанием в зал, где Благово негромко, но очень отчетливо, не топясь, чтобы лучше запомнили, читал:

— Одесское сыскное сообщает: исчез из города и, как похвалялся в ресторации, уехал в Нижний мошенник по бриллиантовой части Мойша Наппельбаум, сорока лет, усы и бороду

бреет, кожа смуглая, прыщавая, лицо восточное, на жиде не похож, потому часто одевается армянином. Особая примета – слева вверху золотой зуб...

«Не забыть сказать Гаммелю... и про варшавских воров также», – подумал Алексей и снова нырнул в военные воспоминания – как восстанавливал после госпиталя здоровье в Геленджике, как уже после окончания войны ловил с терскими казаками продавшихся туркам чеченов – братьев Алибековых, рубился на саблях со старшим и раскрыл ему череп, а младший потом с другими кровниками гонял его по горам. Никому Алексей этого не рассказывал, особенно матушке с сестрицей, только иной раз за чаем Ивану Иванычу Здобнову, чтобы совсем уж за мальчика не держал. Иван Иваныч – матушке троюродный брат, он и привел Лыкова в полицию, когда тот, отлечившись от второй раны, уволился из Кавказской армии и, дома отдохнув, стал искать занятие.

– ...Покамест все, господа. Попробуйте запомнить, а письменно это все будет у господина пристава. Из перечисленных жуликов на пятерых имеются фотографические портреты; господ кварталных прошу подойти и получить. У меня все.

Через несколько минут Лыков, распираемый молодостью, хорошей погодой и служебным рвением, походным шагом шел из полицейской части на свой пост. Здобнов расстарался и квартал ему выхлопотал приличный: бриллиантчики, золотых и серебряных дел купцы, книготорговцы, парфюмерные и мануфактурные лавки. Покупатель здесь солидный, товар дорогой, работа чистая, но рисковая — не дай Бог, прошляпишь что у таких солидных людей, никакой Здобнов не спасет.

Алексей увидел, что ему приветливо кивает вышедший из банковской конторы как раз эдакий солидный господин в песочной визитке. Из-за его спины дружески махнул рукой огромный парень, без трех вершков сажень¹, с кудлатой головой и прямоугольной челюстью, Это были московский ювелир Гаммель и его телохранитель Марк по кличке Каланча. Гаммель был еврей-выкрест из единоверцев и держал в Москве на Кузнецком магазин с хорошими оборотами. Человек богатый, умный и в делах безукоризненно честный, как говорили все опрошенные уже Лыковым в его квартале торговцы.

¹ 200 сантиметров.

Алексей познакомился с этой парой позавчера, когда, проходя мимо кучки ювелиров, услышал отрывок интересного разговора. Четверо бриллианщиков со своими охранителями, как на подбор корпусными плечистыми мужчинами, слушали рассказ Гаммеля о том, как его Марк уложил по случаю в Москве двух громил, напавших на его хозяина при выходе с выручкой из магазина. Здоровяки и их хозяева трогали осторожно бицепсы Каланчи — он был на полголовы выше самого рослого из охранителей — и уважительно качали головами. Алексей не удержался и, хотя делать этого не стоило, встрял в разговор:

— Силен ты, парень! А дай силу твою померить, поручкаться, можно?

Каланча хмыкнул презрительно, глядя с высоты на Лыкова, хоть и крепкого на вид, но комплекции не богатырской и росту среднего.

— Давай, Марк, поучи молодца, — тотчас же дал команду Гаммель. — Только аккуратней, руку не сломай.

— Ну держись, волга, — протянул Каланча Лыкову огромную ладонь. — До последнего не терпи, сразу кричи, а то я не рассчитаю силу-то.

— Не бойсь, — коротко буркнул Лыков и вложил свою ладонь в Маркову лапищу. Противни-

ки застыли в напряжении; захрустели костяшки пальцев, вокруг стояли ювелиры с охранителями и беззлобно подначивали противников.

Секунд через десять лениво-снисходительная мина на лице Каланчи сменилась недоумением, и он приналег во всю силу. Еще мгновение, и лицо его побелело, покрылось мелкими капельками пота. Гаммель и прочие недоуменно наблюдали за ним. Лыков стоял спокойно, слегка улыбаясь, и жал руку как бы шутя.

Неожиданно Каланча, охнув, упал на колени, и Лыков тотчас же разжал хват.

— Черт... здоровый... — пробормотал Каланча, со стоном раздирая слипшиеся побелевшие пальцы.

— Вы кто? — ошалело спросил Гаммель, быстро поднимая Марку с колен.

— Помощник квартального надзирателя вашего квартала Алексей Николаевич Лыков.

— Где вы так научились? И как вам это удастся? А кстати, позвольте вас угостить рюмкою портвейна, — скороговоркой выпалил Гаммель, и Алексей согласился.

В ресторане, где Марку приложили к кисти лед с ледника, Лыков виновато тронул его за рукав:

— Извини, земляк, долго не кричал, я и погорчился.

— Ништо, — бодро ответил тот, — мне наука — не хвались!

— Так как же это? — спросил Гаммель, оставив портвейн.

— Да на войне я этому научился, — скромно ответил Алексей. — У нас в команде пеших разведчиков был человек необычный, актер по ремеслу, Гиляровский его фамилия. Весь полк поборол, а там какие были геркулесы — о-го-го! Я единственный, кто продержался больше минуты. Ну, он и стал меня учить. Есть такая специальная гимнастика для мышц грифа, то есть пальцев и запястья. К концу кампании я с ним уже вничью ручкался и победил бы вскорости, да в госпиталь попал. Вот, тоже от него научился. — Алексей вынул серебряный пятиалтынный и без видимых усилий согнул его большим пальцем, зажав между указательным и безымянным. Собеседники его ошалело переглянулись, а Лыков так же легко сложил монету пирожком и кинул ее на стол. — Это малому на чай.

Новые знакомцы разговорились, Гаммель рассказал немного о себе и своем деле и все присматривался к Алексею. «Что-то хочет», — понял тот

и не ошибся. В конце беседы ювелир предложил помощнику надзирателя десятирублевый билет, сказав негромко:

— Возьмите, Алексей Николаевич, и, пожалуйста, не откажите в моей просьбе. Торговля наша особенная, убытки, случись что, многотысячные. Я здесь в четвертый раз, и каждый год кого-нибудь обворовывают. О прошлом годе взломали кассу у Куприянова, а еще Гешефтера нашли зарезанным, вместе с приказчиком. Боюсь я. Взяли бы вы на себя труд предупредить нас с Марком о том, какие бандиты и мошенники сюда наведываются. Вас, наверное, сыскное о том извещает. А я вам каждую неделю по «красненькой» за труды. Я у себя в Москве так работаю с полицией, и пока Бог хранит.

И Лыков согласился.

Завидев теперь ювелира с Марком, он дружески пожал хозяину руку, шутливо ткнул кулаком в бок телоохранителя (тот испуганно отшатнулся) и сказал:

— Новости есть, Абрам Моисеевич. Пока так послушайте, а завтра я вам в письменном виде это принесу.

И он по памяти, слово в слово пересказал то,

что услышал от городского сыщика Благово о грабителях, взломщиках и ювелирных мошенниках.

Гаммель и Марк слушали внимательно и серьезно, понимающе переглядывались. Особенно Гаммеля встревожили варшавские воры, славившиеся умением «громить» несгораемые шкафы при помощи специальных инструментов.

Когда Лыков закончил, Марк поежился и бережно прикрыл хозяина огромным плечом.

— Абрам Моисеич! Вы зря у банка застряли. Пойдемте-ка быстрее в магазин, переложим деньги в кассу, вернее будет.

Алексей знал, что сзади под поддевкой у Каланчи засунут шестизарядный «вэблей», а в правом сапоге спрятан нож. Кроме того, среди бела дня, в пятидесяти саженьях от полицейской части... И тут же увидел неприметного человека, стоявшего к ним боком, но косившегося в их сторону. Заметив, что обнаружен, человек быстро зашел в соседнюю лавку.

Марк перехватил взгляд Лыкова, обернулся и успел увидеть профиль незнакомца.

— Во! — шепотом сказал он. — Вчерась он сидел в ресторации через два стола от нас.

— Я его запомнил, — тихо ответил Лыков.

— Быстрее домой, — заторопился Гаммель. —